

В.Е. Красовский, А.В. Леденев

Основные мотивы лирики Образ лирического героя

Уже современники заметили, как часто повторяются в лирике Блока несколько ключевых слов. Так, К.И. Чуковский писал, что излюбленные слова раннего Блока — «туманы» и «сны». Наблюдение критика соответствовало профессиональным «наклонностям» поэта. В «Записных книжках» Блока есть такая запись:

«Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся как звезды. Из-за них существует стихотворение».

Для всего корпуса лирики Блока характерна устойчивая повторяемость важнейших образов, словесных формул и лирических ситуаций. Они, эти образы и слова, наделяются не только словарными значениями, но и дополнительной смысловой энергией, впитывают новые семантические оттенки из ближайшего словесного окружения. Но не только контекст конкретного стихотворения определяет семантику таких слов-сигналов. Решающим для формирования значений отдельных слов в творчестве Блока оказывается цельный корпус его лирики.

Можно, конечно, прочитать и как-то понять любое отдельное стихотворение Блока. Но чем больше его стихов мы читаем, тем богаче становится восприятие каждого стихотворения, потому что каждое произведение излучает «заряд» собственного смысла и одновременно «заряжается» смыслом других стихотворений. Благодаря сквозным мотивам лирика Блока приобрела очень высокую степень единства. Сам поэт хотел от своих читателей, чтобы его лирика рассматривалась как единое произведение — *как трехтомный роман в стихах, названный им «трилогией вочеловечения»*.

С чем же связана такая позиция автора множества прекрасных лирических стихотворений? Прежде всего с тем, что в центре его лирики — сама личность современного человека. Именно *личность в ее отношениях со всем миром* (и социальным, и природным, и «космическим») составляет ядро проблематики поэзии Блока. Такая проблематика до Блока традиционно воплощалась в жанрерожака. Вспомним, что в качестве жанрового обозначения «Евгения Онегина» А.С.Пушкин использовал словосочетание «роман в стихах». В стихотворном романе Пушкина — отчетливый, хотя и незавершенный сюжет, многогеройная композиция персонажей, множество внесюжетных элементов, позволявших автору свободно «отступать» от повествовательных целей, «напрямую» обращаться к читателю, комментировать сам процесс создания романа и т.п.

В лирическом «романе» Блока тоже есть своеобразный сюжет, но не событийный, а лирический — связанный с движением чувств и мыслей, с разворачиванием устойчивой системы мотивов. Если содержание пушкинского романа во многом определяется меняющейся дистанцией между автором и героем, то в блоковском лирическом «романе» такой дистанции нет: личность Блока и стала героем «трилогии вочеловечения». Вот почему по отношению к нему в литературоведении используется категория «*лирического героя*». Впервые этот термин, сегодня широко используемый и по отношению к творчеству других лириков, появился в работах замечательного литературоведа Ю. Тынянова — в его статьях о поэзии Блока.

Теоретическое содержание категории «лирический герой» — синтетический характер субъекта лирического высказывания: в местоименной форме «я» неразделимо сливаются мировоззренческие и психологические качества биографического «автора» и разнообразные «ролевые» проявления героя. Можно сказать об этом иначе: герой блоковской лирики может представлять иноком или безымянным воином из стана Дмитрия Донского,

Гамлетом или посетителем пригородного ресторана, но всякий раз это воплощения одной души — одного мироощущения, одного способа мышления.

Введение нового термина было вызвано тем, что «самой большой лирической темой» Блока, по словам Тынянова, стала сама личность поэта. Вот почему при всем разнообразии тематического материала, составляющего «предметный» фон блоковского «романа», лирическая трилогия от начала до конца остается моноцентричной. В этом отношении цельный корпус блоковской лирики можно сравнить с такими образцами прозаических моноцентрических романов, как «Герой нашего времени» Лермонтова и «Доктор Живаго» Пастернака. Для всех трех художников важнейшей категорией художественного мира была категория личности, а сюжетно-композиционные особенности их произведений прежде всего подчинены задаче раскрытия мира личности.

Какова *внешняя композиция* блоковского «романа в стихах»? Поэт делит его на три тома, каждый из которых обладает идейно-эстетическим единством и соответствует одному из трех этапов «вочеловечения». «Вочеловечение» — слово из богословского лексикона: в христианской традиции оно обозначает явление Сына Человеческого, воплощение Бога в человеческом облике. Важно, что в поэтическом сознании Блока образ Христа связан с идеей творческой личности — художника, артиста, всей своей жизнью служащего пересозданию мира на основах добра и красоты, совершающего подвиг самоотречения ради осуществления этих идеалов.

Путь такой личности — лирического героя романа — стал основой *сюжета трилогии*. В рамках каждого из трех этапов общего движения — множество частных эпизодов и ситуаций. В прозаическом романе, как правило, конкретный эпизод составляет содержание главы, в лирическом романе Блока — содержание стихотворного цикла, то есть нескольких стихотворений, объединенных общностью ситуации. Для «романа пути» вполне естественно, что самой распространенной оказывается *ситуация встречи* — встречи лирического героя с другими «персонажами», с разнообразными фактами и явлениями социального или природного мира. На пути героя — реальные преграды и обманчивые миражи «болотных огней», соблазны и испытания, ошибки и подлинные открытия; путь изобилует поворотами и перекрестками, сомнениями и страданиями. Но главное, что каждый последующий эпизод обогащает героя духовным опытом и расширяет его кругозор: по мере движения пространство романа расширяется концентрическими кругами, так что в конце пути взор героя объемлет пространство всей России.

Помимо внешней композиции, определяемой делением на книги (тома) и разделы (циклы), трилогия Блока организована и более сложной внутренней композицией — системой мотивов, образными, лексическими и интонационными повторами, связывающими отдельные стихотворения и циклы в единое целое. Мотив, в отличие от темы, — категория формально-содержательная: мотив в поэзии служит композиционной организации множества отдельных стихотворений в осязаемое лирическое целое (генетически термин «мотив» связан с музыкальной культурой и поначалу использовался в музыковедении).

Поскольку прямые сюжетные связи между стихотворениями отсутствуют, мотив восполняет композиционную цельность стихотворного цикла или даже всей лирики поэта. Он создается многократно повторяющимися и варьирующимися от стихотворения к стихотворению лирическими ситуациями и образами (метафорами, символами, цветовыми обозначениями). Ассоциативный пунктир, прочерчиваемый в лирике поэта благодаря этим повторам и вариациям, выполняет структурообразующую функцию — объединяет стихотворения в лирическую книгу (эта роль мотива стала особенно важной в поэзии XX века).

Центральный цикл первого тома блоковской лирической трилогии — *первого этапа пути* поэта — «*Стихи о Прекрасной Даме*». Именно эти стихи до конца жизни оставались

для Блока самыми любимыми. Как известно, в них отразились любовный роман молодого поэта с будущей женой Л. Менделеевой и увлечение философскими идеями В. Соловьева. В учении философа о Душе мира, или Вечной Женственности, Блока привлекала мысль о том, что именно через любовь возможно устранение эгоизма, единение человека и мира. Смысл любви, по Соловьеву, состоит в обретении личностью идеальной цельности, которая приблизит человека к высшему благу — «абсолютной солидарности», то есть слиянию земного и небесного. Подобная «высокая» любовь к миру открывается человеку через любовь к земной женщине, в которой нужно суметь прозреть ее небесную природу.

«Стихи о Прекрасной Даме» принципиально многоплановы. В той мере, в какой они говорят о реальных чувствах и передают историю «земной» любви — это произведения интимной лирики. Но «земные» переживания и эпизоды личной биографии в лирическом цикле Блока важны не сами по себе — они используются поэтом как материал для вдохновенного преобразования. Важно не столько увидеть и услышать, сколько прозреть и расслышать; не столько рассказать, сколько поведать о «несказанном». «Способ восприятия» мира и соответствующий ему способ символизации в поэзии Блока этого времени — это способ всеобщих, универсальных аналогий и мировых «соответствий», — отмечает известная исследовательница Л. Колобаева.

Каковы же эти аналогии, каков символистский «шифр» ранней лирики Блока? Вспомним, что такое *символ* для поэтов блоковского поколения. Это особый тип образа: он нацелен не на воссоздание явления в его материальной конкретности, но на передачу идеальных духовных начал. Составные части такого образа отчуждены от бытовых условий жизни, связи между ними ослаблены или опущены. Символический образ включает в себя элемент тайны: эту тайну нельзя логически разгадать, но можно вовлечь в интимное переживание, чтобы интуитивно проникнуть в мир «высших сущностей», прикоснуться к миру божества. Символ не просто многозначен: он включает два порядка смыслов, на равных началах свидетельствует о реальном и сверхреальном.

Сюжет «Стихов о Прекрасной Даме» — это *сюжет ожидания* Встречи с возлюбленной. Эта Встреча преобразит мир и героя, соединит землю с небом. Участники этого сюжета — «он» и «она». Драматизм ситуации ожидания — в противопоставлении земного и небесного, в заведомом неравенстве лирического героя и Прекрасной Дамы. В их отношениях возрождается атмосфера средневекового рыцарства: предмет любви лирического героя вознесен на недостижимую высоту, поведение героя определяется ритуалом самозабвенного служения. «Он» — влюбленный рыцарь, смиренный инок, готовый к самоотречению схимник. «Она» — безмолвная, невидимая и неслышимая; бесплотное средоточие веры, надежды и любви лирического героя.

Поэт широко использует прилагательные с семантикой неопределенности и глаголы с семантикой безличности или пассивного созерцания: «неведомые тени», «нездешние видения», «непостижимая тайна»; «вечер придвинется», «все узнается», «жду», «слежу», «гадаю», «направляю взор» и т. п. Литературоведы часто называют первый том лирики Блока «стихотворным молитвенником»: в нем нет событийной динамики, герой застывает в коленопреклоненной позе, он «молча ждет», «тоскуя и любя»; ритуальность происходящего поддержана образными знаками религиозного служения — упоминаниями лампад, свечей, церковной ограды, — а также господством белого, алого и золотого цветов в живописной палитре.

Основной раздел «Стихов о Прекрасной Даме» был в первом издании (в форме лирического сборника) назван «Неподвижность». Однако внешняя малоподвижность лирического героя компенсируется драматической сменой его настроений: светлые надежды сменяются сомнениями, ожидание любви осложняется боязнью ее крушения, нарастают настроения несовместимости земного и небесного. В хрестоматийном стихотворении «Предчувствую Тебя...» наряду с нетерпеливым ожиданием звучит важный

мотив *боязни* Встречи. В миг воплощения Прекрасная Дама может превратиться в греховное создание, а ее нисхождение в мир — оказаться падением:

...Весь горизонт в огне, и близко появленье.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.
И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

Особой напряженностью отмечен завершающий первый том цикл «Распутья». Светлая эмоциональная атмосфера влюбленного ожидания уступает место настроениям недовольства собой, самоиронии, мотивам «страхов», «смехов», тревог. В поле зрения героя попадают приметы «повседневности»: быт городской бедноты, людское горе («Фабрика», «Из газет» и др.). «Распутья» предвосхищают важные перемены в судьбе лирического героя.

Эти перемены отчетливо проявились во втором томе лирической трилогии. Если первый том лирики определялся мотивами ожидания Встречи и высокого служения, то новый этап лирического сюжета связан прежде всего с *мотивами погружения в жизненные стихии*, или, используя формулу самого Блока, «мятежа лиловых миров». Сознание лирического героя обращено теперь к непридуманной жизни. Она является ему в стихиях *природы* (цикл «Пузыри земли»), *урбанистической* цивилизации (цикл «Город») и *земной любви* («Снежная маска»). В конечном счете череда встреч героя со стихиями приводит его к встрече с миром действительности. Изменяется само представление героя о сущности мира. Общая картина жизни резко усложняется: жизнь предстает в дисгармонии, это мир множества людей, драматических событий, борьбы. Важнее всего, однако, что в поле зрения героя теперь — национальная и общественная жизнь страны.

Второй том лирики, соответствующий второму периоду творчества поэта, — самый сложный по структуре мотивов и многообразию интонаций (трагических и иронических, романтических и «балаганных»). *Стихия* — ключевой символ второго тома лирики. Этот символ в сознании поэта близок тому, что он называл «музыкой», — он связан с ощущением глубинной творческой сути бытия. Музыка в представлении Блока пребывает в природе, в любовном чувстве, в душе народа и в душе отдельного человека. Близость к стихиям природы и народной жизни обеспечивает человеку подлинность и силу его чувств. Однако сближение с многообразными стихиями становится для героя не только залогом наполненности жизни, но и серьезнейшим нравственным испытанием.

Стихия не существует вне земных воплощений. Крайними воплощениями «земного» начала становятся в лирике поэта персонажи народной демонологии из цикла «Пузыри земли» (чертенята, колдуны, ведьмы, русалки), одновременно влекущие и пугающие. Среди «ржавых болот» постепенно исчезают былые порывы ввысь, к золоту и лазури:

Полюби эту вечность болот:
Никогда не иссякнет их мощь.

Пассивное растворение в стихиях может обернуться самодовлеющим скепсисом, забвением идеала.

Меняется и облик героини любовной лирики — Прекрасная Дама вытеснена Незнакомкой, неотразимо-притягательной «посюсторонней» женщиной, шокирующей и одновременно очаровательной. В знаменитом стихотворении «Незнакомка» (1906) контрастно соотнесены «низкая» действительность (дисгармоничная картина пригорода, компания завсегдатаев дешевого ресторана) — и «высокая» мечта лирического героя (пленительный образ Незнакомки). Однако ситуация не исчерпывается традиционным романтическим конфликтом «мечты и действительности». Дело в том, что Незнакомка одновременно и воплощение высокой красоты, напоминание о сохранившемся в душе героя «небесном» идеале, — и порождение «страшного мира» реальности, женщина из мира пьяниц «с гла-

зами кроликов». Образ оказывается двуликим, он строится на соединении несоединимого, на «кощунственном» совмещении прекрасного и отталкивающего.

По мнению Л. Колобаевой, «двуплановость теперь иная, чем в «Стихах о Прекрасной Даме». Там образное движение направлено на то, чтобы в видимом, земном, человеческом, в любви прозреть чудо, нечто бесконечное, божественное, от «вещей» подняться «ввысь», к небу... Теперь двойственность образа не мистически возвышающая, а напротив, развенчивающая, горько-отрезвляющая, ироническая». И все же эмоциональный итог стихотворения — не в сетованиях на иллюзорность красоты, а в утверждении ее тайны. Спасение лирического героя — в том, что он помнит — помнит о существовании любви безусловной:

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!»

Стихотворения Блока с этих пор часто строятся как исповедь о том, что сквозь «мерзости» переживаемого дня пробивается — либо укором и сожалением, либо болью и надеждой — память об идеале. «Попирая святыни», лирический герой Блока жаждет верить; бросаясь в вихрь любовных измен, — тоскует о любви единственной.

Новое мироощущение лирического героя повлекло за собой изменения в поэтике: резко возрастает интенсивность оксюморонных сочетаний, особое внимание уделяется музыкальной выразительности стиха, метафоры последовательно развиваются в самостоятельные лирические темы (один из характернейших образцов такого «плетения» метафор — стихотворение «Снежная завязь»). Вот как высказывался об одном из циклов второго тома («Снежная маска») Вяч. Иванов — крупнейший теоретик среди символистов 1900-х:

«По-моему, это апогей приближения нашей лирики к стихии музыки... Звук, ритмика, ассонансы пленительны; Упоительное, хмельное движение, хмель метели... Дивная тоска и дивная певучая сила!».

Однако мир стихий способен полонить лирического героя, прервать его движение. Блок ощущает необходимость искать какие-то новые пути. В самом многообразии стихий необходим выбор. «Не значит ли понять все и полюбить все — даже враждебное, даже то, что требует отречения от самого дорогого для себя, — не значит ли это *ничего* не понять и *ничего* не полюбить?» — пишет он в 1908 году. Возникает потребность приподняться над стихийностью. Итоговым разделом второго тома трилогии стал цикл «Вольные мысли», знаменующий решающий переход к трезвому и четкому отношению к миру. Что же выносит лирический герой из опыта приобщения к стихиям? Главное — это *мужественная идея противостояния страшному миру, идея долга*. От «антитезы» безверия и субъективности герой возвращается к вере, но его вера в идеальное начало жизни наполняется новыми смыслами по сравнению с ранней лирикой.

Одно из принципиальных стихотворений второго тома — «О, весна без конца и без краю...» В нем развивается один из важнейших мотивов лирики Блока — «и отвращение от жизни, и к ней безумная любовь». Жизнь открывается лирическому герою во всей неприглядности («томления рабских трудов», «колodцы земных городов», «плач», «неудача»). И все же реакция героя на все проявления дисгармонии далека от однозначного неприятия. «Принимаю» — вот волевое решение лирического героя. Но это не пассивное смирение перед неизбежностью: герой предстает в облике воина, он готов противостоять несовершенству мира.

Каким же выходит лирический герой из испытаний стихиями? Ему свойственно смело познавать жизнь, ни от чего не отречься, испытать все напряжение страстей — во имя полноты познания жизни, принять ее такой, какая она есть — в сопряжении «прекрасного» и «страшного» начал, но вести вечный бой за ее совершенство. Лирический герой теперь «мужественно глядит в лицо миру». «В конце пути», как писал поэт в пред-

словии к сборнику «Земля в снегу», для него «расстиляется одна вечная и бескрайная равнина — изначальная родина, может быть, сама Россия».

В третьем томе «романа в стихах» синтезированы и переосмыслены важнейшие мотивы первых двух частей трилогии. Он открывается циклом «Страшный мир». Ведущий мотив цикла — омертвление мира современной городской цивилизации. Лако-ничный выразительный образ этой цивилизации представлен знаменитым стихотворением «Ночь, улица, фонарь, аптека...». В орбиту этих сил духовной смерти попадает и лири-ческий герой: он трагически переживает собственную греховность, в его душе нарастает ощущение смертельной усталости. Даже любовь теперь — чувство мучительное, оно не избавляет от одиночества, а только обостряет его. Вот почему лирический герой осознает как греховные поиски личного счастья. Счастье в «страшном мире» чревато душевной черствостью, моральной глухотой. Ощущение безысходности приобретает у героя всеохватный, космический характер:

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастья твердишь который раз?

Образ огромной обобщающей силы создан в заключающем весь цикл стихотворении «Голос из хора». Здесь — апокалиптическое пророчество о грядущем торжестве зла:

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я. Все небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

Вот как комментирует эти строчки сам поэт:

«Очень неприятные стихи... Лучше бы было этим словам остаться не сказанными. Но я должен был их сказать. Трудное надо преодолеть. А за ним будет ясный день».

Полнос «страшного мира» вызывает в сознании лирического героя мысль о *грядущем возмездии* — эта мысль развивается в двух небольших циклах «Возмездие» и «Ямбы». Возмездие, по Блоку, настигает человека за измену идеалу, за утрату памяти об абсолютном. Это возмездие — прежде всего суд собственной совести.

Логическое развитие сюжета пути лирического героя — обращение к новым, безусловным ценностям — *ценностям народной жизни, Родины*.

Тема России — важнейшая тема поэзии Блока. На одном из выступлений, где поэт читал самые разные свои стихотворения, его попросили прочесть стихи о России. «Это все — о России», — ответил Блок. Однако наиболее полно и глубоко эта тема воплощена в цикле «Родина».

Перед этим важнейшим в «трилогии вочеловечения» циклом Блок помещает лири-ческую поэму «Соловьиный сад». Поэма воссоздает ситуацию решающего распутия в сюжете лирического романа. Она организована непримиримым конфликтом, исход кото-рого не может не быть трагическим. Композиция строится на противопоставлении двух начал бытия, двух возможных путей лирического героя. Один из них — повседневный труд на скалистом берегу, томительное однообразие существования с его «зном», скукой, обездоленностью. Другой — завлекающий музыкой «сад» счастья, любви, искусства:

Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной...

Поэт не пытается найти примирения «музыки» и «необходимости», чувства и долга; они с подчеркнутой суровостью разделены в поэме. Однако оба жизненных «берега» являют собой несомненные ценности для лирического героя: между ними он и блуждает

(с «каменистого пути» сворачивает в соловьиный сад, но оттуда слышит призывный шум моря, «далекое рычанье прибоя»). В чем же причина ухода героя из соловьиного сада? Вовсе не в том, что он разочарован «сладкой песнью» любви. Эту чарующую силу, уводящую с «пустого» пути монотонного труда, герой не судит аскетическим судом и не лишает прав на существование. Возвращение из круга соловьиного сада — не идеальный поступок и не торжество «лучших» качеств героя над «худшими». Это трагический, подвижнический выход, связанный с потерей действительных ценностей (свободы, личного счастья, красоты). Лирический герой не может быть удовлетворен своим решением, как не мог бы обрести духовной гармонии, останься он в «саду». Его участь трагична: в каждом из необходимых, дорогих для него миров есть своя «правда», но правда неполная, односторонняя. Поэтому не только замкнутый «оградой высокой и длинной» сад рождает в душе героя ощущение сиротства, но и возвращение к скали-стому берегу не избавляет его от тоскливого одиночества.

И все же выбор сделан в пользу сурового долга. Это подвиг самоотречения, определяющий дальнейшую судьбу героя и позволяющий многое понять в творческой эволюции автора. Смысл своего пути и логику лирической трилогии Блок наиболее четко определил в одном из писем Андрею Белому:

«...Таков мой путь, теперь, когда он пройден, я твердо уверен, что это должное и что все стихи вместе — “*трилогия вочеловечения*” (от мгновения слишком яркого света — через необходимый болотистый лес — к отчаянью, проклятиям, “возмездию” и... — к рождению человека “общественного”, художника, мужественно глядящего в лицо миру... получившего право изучать формы... вглядываться в контуры “добра и зла” — ценой утраты части души).

Выйдя из «Соловьиного сада», лирический герой трилогии растает со «сладкой песнью» любви (важнейшая до сих пор любовная тема уступает место новой верховной ценности — теме родины). Сразу вслед за поэмой в третьем томе «лирического романа» — цикл «Родина» — вершина «трилогии вочеловечения». В стихах о России ведущая роль принадлежит *мотивам исторических судеб страны*: смысловое ядро патриотической лирики Блока составляет цикл «На поле Куликовом». Куликовская битва в восприятии поэта — символическое событие, которому суждено возвращение. Поэтому столь важна в этих стихах лексика с семантикой возврата, повтора:

За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

...

Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли...

...

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла...

Тем самым обнажаются нити, связывающие историю с современностью.

Стихотворения строятся на противопоставлении двух миров. Лирический герой предстает здесь безымянным воином войска Дмитрия Донского. Тем самым личная судьба героя отождествляется с судьбой Родины, он готов погибнуть за нее. Но в стихах ощутима и надежда на победное и светлое будущее:

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.

Другой знаменитый образец патриотической лирики Блока — стихотворение «Россия» — начинается все тем же наречием «опять». Эта лексическая частность заслуживает комментария. Лирический герой трилогии уже прошел огромный путь — от не-оформленных предчувствий грандиозных свершений — к ясному пониманию своего долга, от ожидания встречи с Прекрасной Дамой — к реальной встрече с «прекрасным

и яростным» миром народной жизни. Но сам образ родины в восприятии лирического героя напоминает о прежних воплощениях его идеала. «Нищая Россия» наделена в стихотворении человеческими чертами. Подробности лирического пейзажа «перетекают» в портретные детали:

А ты все та же — лес да поле,
Да плат узорный до бровей.

Выразительны портретные штрихи облика Руси в другом стихотворении цикла — «Новая Америка»:

Шопотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Для лирического героя любовь к Родине — не столько сыновнее, сколько интимное чувство. Потому образы Руси и Жены в лирике Блока очень близки. В облике России оживает память о Прекрасной Даме, хотя эта связь логически не явлена. Предыстория лирического «я» входит в структуру стихов о Родине, а сами эти стихи ретроспективно обогащают раннюю любовную лирику Блока, подтверждают мысль поэта о том, что все его стихи — о России. «...Две любви — к единственной женщине и к единственной на земле стране, Родине — два высших божественных зова жизни, две главные человеческие необходимости, которые, по Блоку, имеют общую природу... И та и другая любовь драматичны, в каждой свое неизбежное страдание, свой «крест», и поэт «бережно» несет его через всю жизнь...» — подчеркивает Л. Колобаева.

Важнейший мотив стихов о Родине — мотив пути.

До боли
Нам ясен долгий путь!

В финале лирической трилогии это общий для героя и его страны «крестный» путь. Чтобы подвести итоги трилогии, воспользуемся формулой одного из крупнейших блоковедов — Д. Максимова: «Путь Блока предстает... как некое восхождение, в котором “отвлеченное” становится “конкретнее”, неясное — яснее, уединенное срастается с общенародным, вневременное, вечное — с историческим, в пассивном зарождается активное».